

гельском тексте и греческом тексте Евангелия. Существенны также данные о типологии номинаций по текстам евангельского греческого и близкого текста классического греческого ("Жизнеописания" Плу-тарха), рассмотренные в сопоставительном плане.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА

1. Обилие исследований, посвященных "Слову о полку Игоре" и осветивших за эти годы многие его первоначально затемненные аспекты, не исключает, как представляется, еще одной возможности внимательного прочтения его текста, рассмотренного в "самом себе"; с целью обнаружить его глубинную семантическую структуру — пользуясь некоторыми новыми методами коммуникативного синтаксиса, лингвистики текста и лингвостилистики и, по возможности, не выходя за их пределы. В работе использовался тот подход, при котором в систему селекции функционально интерпретируемых языковых показателей входят не только выбранные, эксплицитно представленные компоненты системы, но и феномены не-выбранные, не-эксплицируемые; кроме того, существенна дистрибуция положительного—отрицательного выбора языковых компонентов, т.е. их отношение к опорным смысловым точкам. Полный анализ дистрибуции является в этом смысле подкреплением непосредственной содержательной интерпретации текста.

2. Основным выводом проделанного анализа является вывод о методе антитез-скреп, как об основном способе организации текста, применяемом автором "Слова". В пределах тех и других различаются внешние антитезы и скрепы, помогающие непосредственной организации текста, и внутренние антитезы и скрепы, составляющие глубинную смысловую структуру "Слова". Таким образом, вся ткань памятника представляется сложной системой переплетающихся противопоставлений. Сама последовательность текста легко демонстрирует членимость на отрезки, заканчивающиеся афористично-результативными антитезами (КА — конечная антитеза). Примеры КА цит. по изд.: Слово о полку Игоре. М.-Л. 1950: *Уныша бо градомъ забралы, а веселие понице; Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами; То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано* и т.д. В пределах каждого вычленяемого таким образом отрезка представлена обязательно более существенная для смысла внутренняя антитеза — ВА. См. ВА указанных выше отрезков: *Поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря; Ты бо кликомъ плъкы побъждаютъ, звонячи въ правднюю славу. Из рекосте: "Мужайтса сами"...; Ярз туре Всеволод ... гремлеши о шеломы мечи харалужными... Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше* и т.п. В свою очередь скрепы представляют собой (приводим по примеру):

1/ полное повторение законченного высказывания — *О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси*; 2/ полное повторение значительного фрагмента высказывания — *сами на себя крамолу коваху*; 3/ неконтрастивное повторение элемента в одной линейной цепи — *Прерыскаше — дорискаше — прерыскаше*; 4/ контрастивное повторение элемента в одной линейной цепи — *Изяславъ... притрепа славу дѣду своему..., а самъ... притрепанъ литовскими мечи*; 5/ контрастивное повторение не в одной линейной цепи — *часто врани гряжутъ, а галици свою речь говоряжутъ/// Тогда врани не гряжутъ, галици помлѣкоша*. Ряд скреп имеет очень усложненную производную структуру. Например, *Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрѣльными щиты* описывается через следующий ассоциативный ряд:

скачуть ... ищучи себе чти, а князю славу
лисици брешуть на чрѣленыя щиты ↘
Русичи великая поля чрѣлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти,
а князю славы ↘
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрѣльными щиты.

Или — *Уныли голоси, пониче веселие, трубы трубятъ городеньские*
Уныша бо градомъ забрали

А въстона бо, братие, Киевъ тую оу,
а Черниговъ напастями

Уныша цветы жалобою,
и дрѣво с тую оу къ
земли преклонилось

Ничитъ трава жалощами, а
дрѣво с тую оу къ земли
прѣклонилось

Туга и тоска сыну Глѣбову!

А мы уже, дружина,
жадни веселия!

Трубы трубятъ въ Новѣградѣ.

Страни ради, гради весели

и т.д.

Таким образом текст "Слова" представляет собой сложную мозаичную структуру с повторяющимися в определенных местах компонентами; интерпретация и фиксирование этих, не всегда очевидных при первом прочтении связей помогает выявить содержательные оппозиции текста.

3. Основными содержательными оппозициями текста "Слова", как как представляется, являются следующие антитезы:

1/ творческий метод автора — другие творческие методы; 2/ человек как осознавшая себя индивидуальность — мир вокруг; 3/ прошлое—настоящее; 4/ битва—покой; 5/ туга (печаль) — веселье; 6/ тьма — свет; 7/ русские — половцы.

4. Воплощая в образы антитезу: собственный творческий метод — другие творческие методы, автор виртуозно комбинирует текст и метатекст. Необходимо отметить замечательный тезис В.Ржиги о том, что автор "Слова" обсуждает не два, а три пути зачина: 1/ в духе старинных ратных повестей ("*старыми словесы трудныхъ повѣстей*"), 2/ "*по замышлению Бояню*", 3/ "*по былинамъ сего времени*" и делает три соответственных зачина; таким образом различается ткань текста и ткань сюжета, снимается противоречие "двух затмений". Метод антитез-скреп, сложная поэтическая система автора, предполагает не только непосредственные ассоциации контактной цепочки, но и монтажное осмысление дистантных компонентов. Автор состязается с Бояном, функция которого в тексте — не быть двигателем сюжета, но явлением суперструктуры — носителем некоторого числа гипертекстов, значительность которых постепенно снижается: *Тяжко ти головы кромъ плечю, зло ти тѣлу кроме головы* — уже не афоризм, а трюизм. Явно побеждая в столь характерном для средневековья турнире поэтов, в том числе и в блистательной фонике, отмеченной Л.А.Булаховским, которой нет в "бояновских" фрагментах, автор как бы играет с текстами Бояна, употребляя метод, который можно назвать "подхватом": дважды, в симметричной удаленности от начала и от конца.

5. Оппозиция: прошлое—настоящее строится как расслоение основного пласта событий, связанного с Игорем, и истории, представленной историческими аллюзиями и новеллистическими инкрустациями. Представляется, что композиция исторических вставок очень выдержана: от более раннего к самому позднему (подвиги Святослава Киевского в 1183 г.) и опять симметрично назад, вглубь истории; таким образом, автор держит обещание дать рассказ *отъ стараго Владимира до нынешнего Игоря*. Метод лингво-текстологического стыка у автора "Слова" при соединении прошлого с настоящим оказывается совершенно иным, чем при соединении элементов основного сюжета: переход от прошлого к новому и наоборот всегда эксплицитно представлен: частицами, местоимениями, прокладочными обстоятельственными словами; при соединении компонентов настоящего можно говорить о "монтажном примыкании": *Трубы трубятъ въ Новѣградѣ ... Что ми шумить, что ми звенить...* *На Дунаи Ярославныѣ гласъ ся слышитъ...* *Прысну море полунощи, идутъ сморци мглами...* *Погасоша вечеру зори* и т.п. Яркой особенностью текста, при отсутствии гипотаксиса временной семантики, является выражение некоторого результивата, стальной перфективности: при изображении глобального события через *уже*: *Уже снесесея хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжесея дивъ на землю* и т.д. и при изображении бифокального события с опорой на действие — с *а*: *А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому*, т.е. различается активное и инактивное состояние.

6. Выявление маркированного времени — настоящего — позволяет различать текстовые функции употребления времен в "Слове". Примечательно, что настоящее время выполняет в тексте функцию, анало-

гичную функции *passé antérieur* в старофранцузских текстах сложно-многопланового действия. Настоящее время связано в целом с линией основного сюжета, выполняя нагрузку: экспресс-констатации — *Игорь къ Дону вои ведець!... Копиа поютъ...; начала новых ситуаций — Длго ночь жркънетъ...; райочных конструкций при описании. Однако серийное настоящее связано не с оппозицией: прошлое—настоящее, но с оппозицией: битва—не битва: ср. описание битвы на Немиге. Т.о. оппозиция: битва—покой оказывается сильнее первичной функции глагольного времени (см. Полтавский бой у Пушкина и еще более несомненное влияние "Слова" в последних главах "Тараса Бульбы": описание трофеев Тараса, серийное настоящее, статальность с *уже*, вплоть до фразы "Степовая трава поникла бы от жалости долу").*

7. Образу автора, бросающего вызов традициям, параллельна фигура Игоря, противостоящего всему: знамени, разумности и необходимости действий, княжескому объединению. Игорь и Всеволод, помимо самоутверждающего себя волюнтаризма, противопоставляют окружающему миру одно: свой профессионализм, свою обученность. Как и автор "Слова", Игорь испытывает себя. (Неслучайно знаменитая характеристика воинов Всеволода почти текстуально совпадает с описанием идеальных воинов во французском тексте XIII в. *Qui est li gentis bachelers? Qui d'espée fu engendrez, | Et parmi le hiaume ale tiez, | Et dedenz son escu berciez. . .*). С начала текста мир выступает против личности, объединяются компоненты тройной антитезы: человек — природа, русские — половцы, обученность — стихийность. Если воинам "пути в доми", то половцы бегут, "прострошася". Общий образ звериного воя, скрипа, лая консуммируется в Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русци преградиша чрьлеными щиты. Природа соединяется с врагом и включает его в себя: *недаром, побеждая Кобяка, Святослав притопта хлѣми и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота. А поганого Кобяка изъ луку моря яко вихрь выторже...* Необходимо отметить следующие языковые показатели выражения индивидуальности: 1/ употребление обращения только русскими (даже половецкие ханы друг к другу не обращаются); 2/ практически отсутствие possessивов применительно к полю половцев; 3/ употребление анималистических сравнений применительно к воинам-русским только через союз: *ажы*. Все указанные показатели относятся к антитезе: человек-мир до переломного момента текста, которым мы считаем обращение Ярославны, жены Игоря, с мольбой к стихийным божествам, после чего меняется отношение природы, меняется Игорь, меняются и характеристики лингвистического плана: он уже не ведет войска, сидя на золотом седле — *въврѣжеся на брѣзъ комонь и сходи съ него бусымъ влѣкомъ* (ср. почти те же обороты ранее о волхве князе Всеславе), варьирует анималистический образ, чередуясь с Влуром-половчанином, разговаривает с Донцом.

8. Эпизод мольбы Ярославны является переломным и для разрешения оппозиции: туга-веселие. До плача веселие представлено подчеркнуто негативно (*жидни веселия; пониче веселие; мое веселие по*

ковылю развѣя), туга — активно, после мольбы тема туги переходит в пласт прошлого (смерть князя Ростислава), а тема веселия нарастает — до абсолютного синтеза: *Страны ради, гради весели* (см. ранее *Уныша бо градомъ забралы*). Текстовые отрезки с лексическим полем: туга-веселие относятся к результативно-статальным рефренам, утверждениям, это подчеркивается обилием частиц, вообще мало представленных в "Слове": *бо* — показатель пресуппозитивного знания, вообще снятый в тексте перевода 1800 г., и *уже* — результатив; из 14 отрывков с этой темой, очень красиво соотносящихся лексически либо друг с другом, либо с иными компонентами текста, 2 относятся к пласту прошлого, они расположены симметрично по отношению к кульминационному пункту.

9. Оппозиция: тьма—свет, содержательно разлагается на три узких антитезы: физическую: тьма—свет, моральную: победа—поражение, военную: половцы — русские. Бояре сообщают Святославу, что именно на 3 день *тьма свѣтъ покрыла* (ср. *третьяго дни к полудню падоша стязи Игореву*), т.е. поражение, а не затмение, есть подлинная тьма. Проходя через весь текст, оппозиция: тьма—свет относится только к основному сюжету. Переломным моментом также является мольба Ярославны, после чего появляется тема позитивного света. Темы туги—веселия и тьмы—света в ряде отрывков тесно сплетаются, но тьма—свет входит в сам сюжет, тогда как тема туги—веселия выступает как рефрен или результатив.

10. Текстовые признаки оппозиции: русские-половцы многообразны. Лексически чаще всего *русские* — храбрые, соколы, связаны со светом; *половцы* — поганые, галки, всроны, сороки, связаны с тьмой. Из семантики "сокол", "храбрый", в продолжение этого, встает оппозиция, которую мы считаем основной: *русские* индивидуализированы, *половцы* — стадо, стая (см. анималистические сравнения), они бегут, простираются, сливаются с природой, звуки их речи, даже разговор ханов — *А не сороки втроскоташа*; в изображении их на войне нет индивидуализации — как воинских качеств, так и человеческих: ср. перечень образов русских князей — от старого Владимира до нынешнего Игоря. Поэтому они — рабы (*Стрѣльй, господине, Кончака, поганого кощя; Игорь выседѣ въ седло кощяево*). Лингвистически это выражается через характеризацию половцев в Р1. неопределенными специфическими именами, нераспространение на них поля максимума определенности: демонстративов, possessивов, рестриктивных придаточных, а также обращения, объективной метафоризации.

11. Внутренними скрепами текста являются семантические смыкания перечисленных глубинных антитез.